

« Петербургский дневник » представляет

Л. Гаврилов
А. Разживин
И. Смирнов-Охтин

У этой книги сразу три автора. Каждый по-своему, но одинаково проникновенно и взволнованно рассказывает о тех, кто храбро воевал и пережил страшную блокаду

Сборник
Повести о войне
и блокаде

Писатели на войне, писатели о войне

**Игорь Иосифович Смирнов-Охтин
Александр Евгеньевич Разживин
Лев Николаевич Гаврилов**
Повести о войне и блокаде
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481759

*Повести о войне и блокаде. Сборник: Информационно-издательский
центр Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»; Санкт-
Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-063-1*

Аннотация

У этой книги сразу три автора. Каждый по своему, но одинаково приоткрыто и взволновано рассказывает о тех, кто храбро воевал и пережил страшную блокаду.

Содержание

Лев Гаврилов	4
ЛЁНЬКА	6
КУХНЯ	8
БАБАНЯ	10
КОМНАТА	12
ПОЕХАЛИ	14
ПРИЕХАЛИ	15
ЗЯБИЦЫ	17
ЛЁНЬКИНЫ ХЛОПОТЫ	20
ВОЙНА	22
ПРОВОДЫ	24
ПРОЩАЙТЕ, ЛОШАДИ	26
ВРЕМЯ ПРИШЛО	27
ОТЪЕЗД	29
БОМБЕЖКА	30
НОВОСТИ	34
УНТЕР-ОФИЦЕРША	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лев Гаврилов, Игорь Смирнов-Охтин, Александр Разживин Повести о войне и блокаде

Лев Гаврилов ЛЁНЬКИНА ВОЙНА

Посвящаю дочери Марине

Эту книгу о ленинградской блокаде написал житель блокадного Ленинграда – известный писатель, поэт, сатирик Лев Гаврилов. Просто, без пафоса, но с большой выразительной силой рассказал он о взрослых и детях, чья жизнь могла оборваться в любой момент от фашистских снарядов и мучительного голода. Нечеловеческие страдания не могли убить в них совесть, благородство, сострадание, любовь, чувство дружбы.

Главный герой повествования – обыкновенный мальчишка с острова Голодай. Ему вместе с мамой пришлось пережить в огненном кольце самые жуткие месяцы, пока их не эвакуировали через спасительную ледовую трассу Ладож-

ского озера.

ЛЁНЬКА

Лёньке десять лет. У него на носу веснушки, на лбу челка, глаза серые, уши врастопырку и всегда обветренная нижняя губа. Живет Лёнька на Голодае. В трехкомнатной коммуналке с мамой, папой и девятью соседями. Лёнькина мама – научный работник. Она или что-нибудь читает, или что-нибудь пишет, или бежит из комнаты в кухню и оттуда кричит, что опять все пригорело или опять все выкипело.

А Лёнькин папа – электрик. Он ничего не читает и ничего не пишет. Он или курит, или играет на мандолине, или ходит с Лёнькой в баню. Потому что в квартире есть ванная комната, но нет ванны и нет горячей воды.

– А зачем нам ванна, – говорит Лёнькин папа, – если до бани доплюнуть можно?

И Лёнька с ним согласен. Нет ванны – и не надо.

Зато у Лёньки есть обруч с водилой из толстой проволоки, самокат со скрипом, мяч и двухколесный велосипед с цепной передачей.

А еще у Лёньки есть Гошка из второй парадной. Друг на всю жизнь.

Гошка живет с мамой и бабушкой, а его папа геройски погиб на войне с финнами.

А в новом, 1941 году на Лёньку упала елка с мандаринами, конфетами и игрушками. Соседка тетя Варя сказала, что это

плохая примета. А Лёнькина мама ответила, что это Лёнькин папа плохо склотил крест для крепления елки и приметы здесь ни при чем.

А еще в этом году Лёнька закончил третий класс и ждет, что вот-вот наступит тот день, когда он уедет на все лето в Зябицы.

КУХНЯ

И этот день наступил, но получился какой-то суматошный.

Мама прибежала из комнаты в кухню, что-то говорила Бабане, убежала, потом прибежала снова и опять что-то говорила.

А Бабаня молчала. Она разжигала примус.

Лёнька тоже молчал. Он сидел на табуретке у холодной батареи отопления и молчал.

А вокруг него была кухня. Замечательная квадратная десятиметровая кухня на три семьи. С бетонным полом, с тремя столами, внутри которых скрывалась всякая всячина, Лёньке неизвестная. Над столами нависла полка с кастрюлями, сковородками, мисками и всякими дуршлагами.

А еще на кухне были железная раковина и медный кран. Имелась на кухне дровяная плита. А над нею в стене – дырка. Для самоварной трубы.

Под окном кухни, под его подоконником, находился холодильный ящик. Назывался он холодильным потому, что в нем тоже была дырка. Зимой через эту дырку в ящик проникал мороз, а летом в нем было прохладно, так как окно выходило на север и дырка тоже выходила на север. В этом ящике хранили продукты.

Так вот, Лёнька сидел на кухне и ждал, когда же эта сума-

тоха закончится: мама перестанет бегать туда-сюда, а Бабаня наконец-то разожжет примус, хотя это дело непростое.

БАБАНЯ

Бабаня тоже была замечательная. Во-первых, она сестра Лёнькиного деда и, значит, маме приходилась тетей, а Лёньке – двоюродной бабушкой. Звали ее Анна Ивановна. Лёнька упростил бабушку Аню до Бабани. И все. Никто не спорил. Потому что было это в далеком детстве, а теперь ему уже десять лет. Во-вторых, Бабаня виновата в том, что Лёнька родился в Казани, а не в Ленинграде: когда-то в Бабаню влюбился государственный человек. Это когда она была молодая, красивая и политически грамотная. А вскоре его вдруг назначили председателем Совнаркома одной республики. Он уехал в Казань и увез с собой Бабаню. А потом туда приехала Лёнькина мама учиться на химика в Казанском университете. Ну, училась бы и училась. Но она встретила там Лёнькиного отца. А все знают, что от таких встреч бывает. Поэтому Лёнька родился в Казани.

Но, как говорится, учиться и баинькать детей трудно. Мама вернулась в Ленинград, вверила Лёньку бабушке с дедушкой, а сама перевелась в Техноложку, где опять училась на химика.

А Бабанин человек привез из командировки в Германию дамочку – немку. Он сказал Бабане, что у них с дамочкой любовь, а значит, Бабаня пусть катится обратно в Ленинград на свою Гончарную улицу. Бабаня укатилась, а в 1937 го-

ду узнала, что ее бывшего расстреляли за шпионаж в пользу Германии. Расстреляли вместе с дамочкой. Лёнька, когда услышал эту историю, подумал: «Так ему и надо! Не обижай Бабаню!»

КОМНАТА

Так вот, Лёнька сидел на табуретке, Бабаня наконец-то разожгла примус, мама поставила на него кастрюлю с супом, убавила коптящую керосинку и стала объяснять Бабане, куда она поедет с Лёнькой на все лето: сначала на трамвае до вокзала, потом на дачном поезде надо доехать до Волосово. Там Бабаню и Лёньку встретит Ионыч, и на лошади они поедут до Зябиц.

Лёнька тихонько хихикнул, представив себе, как Бабаня, Ионыч и он едут верхом на одной лошади.

Мама посмотрела на Лёньку, сказала:

– Ничего смешного нет.

И пригласила в комнату перекусить на дорожку.

И они пошли в комнату. Комната тоже была замечательная. Похожая на самоварную трубу. Вернее, на сапог. В ней целых 12 метров. Вместе с Лёнькиным закутком. Он был похож на ту часть самоварной трубы, что втыкается в дырку над дровяной плитой. В Лёнькином закутке стояла его кровать с пружинным матрасом, невысокий столик упирался в стенку, а стул обычно упирался спинкой в стол. В остальной части комнаты с трудом разместились комод, родительская кровать, шкаф, стол и два стула. Вот и все. Больше ничего не поместилось. Эти 12 метров мама называла дворцом имени Романыча. А Романыч – это Лёнькин отец. Его все так звали.

Уважительно: Романыч.

ПОЕХАЛИ

И вот суматошная часть дня закончилась. Они перекусили, после чего Бабаня сказала:

– Вера, приезжай ко мне на Гончарную, я научу тебя готовить. А то...

Мама усмехнулась, но ничего не сказала, и они поехали.

В трамвае Лёнька сидел у окна. Трамвай был замечательный. Назывался «американка». В нем двери закрывались сами, и нельзя было ездить на подножке, как в старых трамваях. А можно только на «колбасе» последнего вагона.

До вокзала ехали молча. Бабаня только пожаловалась:

– Ты чем набила чемодан? Мне же его не поднять.

Мама ответила, что в вагон она его затащит, а там встретит Ионыч.

– А если не встретит?

Мама пожала плечами, и они пошли на вокзал.

В дачном поезде Лёнька тоже сидел у окна. И Бабаня сидела у окна. Напротив.

Лёнька думал о том, как здорово он проведет каникулы.

О чем думала Бабаня, Лёнька не знал. Наверное, о том, встретит их Ионыч или нет.

ПРИЕХАЛИ

Ионыч их встретил. Он схватил чемодан, крикнул и потащил к председательской бричке.

Лёнька сразу узнал высокую белую лошадь. Звали эту лошадь Хозяйка. Конечно, председатель колхоза не дал своего Гнедого, и Ионыч запряг Хозяйку. Она и впрямь считалась хозяйкой в конюшне. Возила воду в большой бочке, возила сено, овес и все, что требовалось лошадям в конюшне. Поэтому и Хозяйка.

Лошадь узнала Лёньку и заржала вполголоса. Лёнька достал из кармана притыренный кусок булки и протянул Хозяйке. Лошадь мягкими губами вежливо взяла булку с Лёнькиной ладони. Она жевала и благодарно кланялась.

– Ну, кончай миловаться, поехали, – сказал Ионыч и хлопнул вожжами по спине Хозяйки. Она не обиделась и неспешно пошагала в сторону Зябиц. Она всегда не спешила. А Бабаля через каждый километр спрашивала:

– Далеко еще?

– Далеко еще, – отвечал Лёнька.

Хозяйка дошла до дома Ионыча, когда стемнело. Ионыч с трудом затащил чемодан в сени, а тетя Вера, жена Ионыча, приветствовала Бабаню и Лёньку словами:

– Ну, вот и вы! Идите скорей, а то драчена остынет.

Лёнька собирался поехать на конюшню помочь распрячь

Хозяйку, но как услышал про драчену, передумал. Потому что драчена у тети Веры замечательная!

– Ух ты! – сказал он восторженно, радуясь, что суматошный день заканчивался просто прекрасно. Драчена была знатная, молоко горячее, а хлеб тетя Вера сама испекла в русской печи. И масло сбивала сама из сливок. Мутовкой из срезанной верхушки молодой елки.

После еды тетя Вера пошла устраивать Бабаню, а Лёньку послала на сеновал, где ему уже была готова постель. Сено было прошлогоднее, колючее и чуть прелое.

Лёнька улегся на матрас, слушал, как вздыхает внизу корова Зорька, как толкаются овцы, и смотрел в окошко на небо. Оттуда заглядывала луна и подмигивали звезды. Лёнька тоже подмигнул звездам и любопытной луне и заснул сном счастливого человека, у которого начинались каникулы.

ЗЯБИЦЫ

Бабаню в Зябицах тамошние женщины насмешливо прозвали барыней. После завтрака она выносила стул, ставила его у крыльца, садилась, раскрывала цветастый зонт от солнца и читала книгу без картинок.

А Лёнька просыпался в четыре часа утра, потому что тетя Вера доила Зорьку, потом выпроваживала корову и овец за ворота, в стадо, которое пастух хлестким кнутом прогонял мимо дома Ионыча в сторону леса.

Дом Ионыча был последним в Зябицах. Объяснялось это очень просто. Ионыч долго был единоличником. Обосновал свой хутор и вступить в колхоз не хотел. Но, как говорили в Зябицах, потом он испугался, что его раскулачат, и попросился в колхоз с тремя лошадьми. Его из-за этих лошадей и приняли. Лошадей определили в колхозную конюшню, а Ионыча назначили конюхом.

Дом Ионыча был добротный, привезенный с хутора, а крыша – соломенная. У всех в деревне крыши покрыты дранкой, а у Ионыча – соломенная. Даже Лёнька колол короткие полешки на дранку. Но ее все равно не хватало на всю крышу. А частями крышу крыть нельзя – так говорил Ионыч.

Когда соседка тетя Варя предложила отправить Лёньку в деревню Зябицы в первый раз, мама спросила: «А большая

деревня?»

Тетя Варя ответила, что дворов пятьдесят, не больше.

Лёньке такой ответ совсем не понравился: как это пятьдесят дворов? А дома-то где? Он даже хотел отказаться ехать в бездомные Зябицы. Но мама его успокоила, объяснив, что двор – это дом и земельный надел. Вот.

А деревня оказалась замечательной. Она начиналась от дороги в Тegliцы и широкой улицей уходила вправо. Посреди деревни стоял большой пожарный сарай. Лёнька знал, что в пожарном сарае есть телега с большой бочкой и насосом, похожим на детские качели. А еще в деревне была каменная рига, где хранилось колхозное сено. За домами располагалась колхозная конюшня.

В конюшне вместе с другими лошадьми жила Хозяйка. А на скотном дворе кроме коров обитал здоровенный бык по кличке Борька. Этот бык всегда с подозрением смотрел на Лёньку, и он его побаивался.

Когда Бабаня спросила маму перед отъездом, есть ли в Зябицах река, мама сказала, что нет, и Бабаня облегченно вздохнула:

– Вот и хорошо, а то в речке утонуть можно, – и посмотрела на Лёньку.

И мама посмотрела на Лёньку. Лёнька понял мамин взгляд и не проговорился Бабане о зябицких прудах. В этих прудах купаются не только местные ребята, но и взрослые. Причем все купаются в голем виде. Но знать об этом Бабане

не обязательно.

А еще в Зябицах был небольшой магазинчик – сельпо. Там продавали всякую всячину, кроме булки. А еще не было в Зябицах электричества и водопровода.

– Подумаешь, – сказала на это Бабаня, – зато люди хорошие.

ЛЁНЬКИНЫ ХЛОПОТЫ

Первые недели Лёнька помогал Ионычу по конюшенным делам: ездил с Хозяйкой за водой на ближний пруд, убирал навоз, смотрел, как Ионыч ремонтирует хомуты и другие детали упряжи. Ионыч протыкал стыкуемые куски кожи широким шилом и протягивал через дырку тонкий сыромятный ремешок, сшивая те места, где требовалось.

Указательный палец правой руки Ионыча был, как он говорил, негибучим. Он торчал, мешая Ионычу работать.

Деревенские мальчишки передавали Лёньке слова взрослых, будто Ионыч сам повредил себе палец, чтобы его не взяли на войну в 1914 году, а всем сказал, что это лошадь наступила копытом.

Лёнька этому не верил, но и не спрашивал Ионыча, правда ли это. Хотя очень хотелось спросить.

Несколько раз Лёнька ходил с тетей Верой полоть картофельное поле. Это поле заросло желтыми цветочками. Их называли бутками.

Когда Лёнька показал такой цветок Бабане, она спросила:
– Что это?

Лёнька ответил:

– Бутка.

Бабаня покачала головой и сказала, что будка – это где собаки живут, а это называется сурепка. Но Лёнька знал, что

такое репка, правда без су-, и с Бабаней не согласился. Бутка и есть бутка.

А еще Лёнька сгребал сено на конных граблях, отвозил с Хозяйкой бидоны с налоговым молоком в Местоново, и еще много чего.

А любимым делом Лёньки было ночное. Бабане вовсе не нравилось, когда он уходил из дома на всю ночь. Но Ионыч ее убедил, что ничего страшного нет, и она ему поверила.

Ночное – это замечательное дело! Лошадей отгоняли за деревню, в поле, стреноживали передние ноги путами, чтобы не разбежались кто куда, и они отдыхали после трудового дня, каждая по-своему. А Лёнька и Ионыч ложились на расстеленный овчинный тулуп и смотрели то на лошадей, то на небо. Ионыч, человек неразговорчивый, однажды вдруг спросил Лёньку:

– А как ты считаешь, Леонид, будет война с немцами или нет?

– А война – это как? – спросил Лёнька.

Ионыч промолчал.

Лёнька смотрел на темное небо и думал о войне. Он знал, что война – это когда побеждают наши, а враги бегут, бегут, бегут...

ВОЙНА

Время летело незаметно. О войне в Зябицах, кроме Ионыча, Лёньке никто не говорил. Даже Бабаня. И вдруг – война!

Тетя Вера плакала, а Бабаня ее успокаивала:

– Ну подумаешь немцы! Дадут им под зад как следует – и вся война. Через неделю все кончится.

Ионыч послушал Бабаню, крикнул и позвал Лёньку на конюшню.

По дороге он качал головой и жаловался Лёньке:

– Заберут коней, как есть всех заберут...

– Куда? – не понял Лёнька.

– На войну, куда же еще. Эх, проклятое время!

Вечером, уходя из конюшни, Ионыч погладил каждую лошадь и что-то шептал им в уши. Лёнька тоже гладил лошадей, но не шептал, потому что не знал, о чем надо шептать. Поэтому спросил Ионыча:

– А что вы им шептали?

– Чтобы выжили. Да навряд ли... Война, Леонид, – это штука жестокая.

Дома их встретила Бабаня. Она сердито объявила Лёньке, потрясая перед его носом телеграммой:

– Она требует, чтобы мы немедленно ехали домой!

– Кто? – устало спросил Лёнька. Ему было жаль лошадей, а остальное его интересовало мало.

– Кто, кто, – повторила Бабаня, – твоя мамочка! С ума она сошла, что ли? Из-за чего паника? Как будто мы немцев никогда не били!

Ионыч посмотрел на Бабаню и хмуро сказал:

– Война – штука жестокая. Мать Леонида дело пишет.

Надо ехать.

– И не подумаю, – махнула телеграммой Бабаня.

Лёнька допил кружку холодного молока, доел большой кусок мягкого тетивериного хлеба. Посмотрел, как подрагивает огонь в керосиновой лампе, и полез на сеновал. Уезжать ему тоже не хотелось. Он лежал и думал о войне.

А ночью ему приснился товарищ Сталин: на белом коне, в черной бурке, как у Чапаева, в фуражке со звездой и саблей в руках. Он рубил немцев направо и налево. Порубал всех, и война кончилась.

Но это было во сне.

ПРОВОДЫ

А наяву все мужчины деревни получили повестки из военкомата. Все получили, кроме хромого председателя и Ионыча.

Провожали мужчин женщины, пацаны, девчонки и Лёнька.

Гармонист, вихрастый Минька, шел в первом ряду и наяривал на гармошке веселую частушечную музыку. За плечами его была полупустая котомка. Минька шел в цветастой рубахе, отглаженных брюках и босиком. А на носу у Миньки сидел большой прыщик.

Лёнька ткнул в бок идущего рядом пацана:

– Серый, а чего это Минька на войну босиком, а?

Серый, не глядя на Лёньку, буркнул:

– А он сказал, что на войне его обуют.

Мужчины шли молча, нетрезво усмехаясь, женщины плакали, пацаны шли рядом с отцами, такие гордые, как будто это они шли на войну.

А вокруг Миньки плясала хохотушка Зойка. Она размазывала белым платочком и пела:

Я прощаюсь с гармонистом,

Он уходит на войну.

Бей, красивый мой, фашистов

И вернись на родину.

Музыка звучала веселая, частушки задорные, но Лёнке почему-то не было весело.

А Зойка не унималась:

Пусть фашистов будет тыща,

Если сунутся сюда

И увидят Минькин прыщик,

Разбегутся кто куда!

ПРОЩАЙТЕ, ЛОШАДИ

Дошла очередь и до лошадей. Им тоже пришла повестка. Одна на всех. Лёнька и Ионыч провожали их на войну. Впереди верхом на Хозяйке ехал Лёнька, а позади всех лошадей – Ионыч в председательской бричке.

Запрягая Гнедого, он жаловался Лёньке:

– Хоть бы Хозяйку оставили, а то беда. Бричку тащить придется. Лошади шли понутив головы, словно чувствовали, что отправляются на опасное дело. Только низкорослая кобыла по кличке Калмычка била себя хвостом по бокам и порой подпрыгивала на ходу.

– Чего она радуется? – удивлялся Лёнька.

Ветеринар в военной форме с одной шпалой в петлицах забраковал Хозяйку (по старости) и Калмычку (у нее оказалась чесотка). Ионыч получил какие-то лекарства и строгий приказ: вылечить кобылу и вернуть.

Грустный Ионыч и Лёнька возвращались в Зябицы. Хозяйка неспешно везла бричку, а Калмычка на привязи нехотя брела за бричкой. Обиделась, наверное, что ее не взяли на войну.

На весь колхоз оставалась одна Хозяйка.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Через некоторое время на фронт отправляли зерно. Все для фронта – все для победы! Лёнька даже пытался дотащить до полуторки мешок с зерном. Однако только насмешил Зойку, потому что мешок оказался таким тяжелым – жуть просто! Зойка посмотрела на Лёнькины мучения и предложила:

– Ну, давай-ка вдвоем.

И они потащили мешок к машине, около которой председатель и Ионыч забрасывали мешки в кузов.

– Когда твоя барыня собирается уезжать? – спросила Зойка, вытирая концами платка пот.

– Она не барыня, – рассердился Лёнька, – она была женой председателя Совнаркома.

– Да ну? – удивилась Зойка. – И что?

– А ничего, – буркнул Лёнька, – расстреляли его.

Зойка вдруг стала совсем серьезной. Она погладила Лёнькину челку и даже извинилась:

– Не сердись, я же не знала.

По дороге к дому Лёнька думал о том, что есть все-таки польза от изменщика – председателя Совнаркома. Не будут в Зябицах звать Бабаню барыней.

Когда до Зябиц дошел слух, что где-то недалеко высадился немецкий десант, Бабаня помрачнела, но не сдалась. Те-

леграммы Лёнькиной мамы она складывала в ридикюль. Так она называла большой кошелек для всяких дамских вещей, документов и денег. Но в день, когда Ионыч позвал Лёньку за курятник и попросил помочь выкопать яму, Бабаня увидела, как в эту яму Ионыч и тетя Вера укладывают ящики от комода с вещами, накрывают их клеенкой и засыпают потом землей. И она сдалась.

– Вижу, что надо уезжать, – сказала она грустно, – собирайся, Лёня.

ОТЪЕЗД

Утром тетя Вера разбудила Лёньку:

– Вставай, Ионыч уже приехал.

Бабаня и Лёнька наскоро позавтракали, и в председательской бричке Хозяйка повезла их в Волосово. Теперь Бабаня не спрашивала: «Далеко еще?» На станции никаких дачных поездов не было. Бабаня решительно пошла узнавать, где покупают билеты.

– Какие билеты?! – рассердился дядька в железнодорожной фуражке с красным верхом. – Какие билеты? – повторил он. – Вон стоят три платформы, – это последнее, что пойдет до Гатчины.

Спешите, а то скоро отправятся.

И они поспешили к необычному поезду.

Лёнька и Ионыч помогли Бабане залезть на платформу, закинули туда чемодан, зонт и ридикюль.

Потом Лёнька по-взрослому пожал Ионычу руку с негибучим пальцем, помахал тубетейкой Хозяйке и залез на платформу. Как только Лёнька сел на чемодан, паровоз, словно по сигналу, свистнул, и они поехали.

– Надо же, как удачно, – сказала Бабаня, – раз, два – и тронулись.

БОМБЕЖКА

На трех платформах, что составляли поезд, сидели и лежали женщины и дети. Тащил платформы паровозик, из трубы которого валил черный дым.

Женщина, соседка на платформе, сообщила, что это последний состав. Больше не будет. Немцы близко.

Бабаня достала из чемодана платок, накинула на голову и подвязала по-деревенски, под подбородком. Потом она заставила Лёньку надеть свитер. Чемодан они поставили на ребро, поперек ветра, и сели на пол платформы спиной к паровозу.

Лёнька осмотрел пассажиров и пришел к выводу, что на платформе только женщины и мелкота дошкольная, причем большинство с бантиками.

Бабаня разговаривала с соседкой. Женщина куталась в теплый платок, а на голове у нее была шляпка с красной розочкой. Разговор женщин Лёнька не слушал. Он стал смотреть на небо. Оно было синее-синее, а по нему лениво плыли белые облака. Одно облако напоминало верблюда. Голова, два горба, всего две ноги и хвост, который летел отдельно от верблюда и никак не мог его догнать. Лёньке стало интересно, догонит хвост верблюда или нет. И вдруг из головы верблюда вывалился самолет. Он начал падать прямо на платформу.

– Немец! – ахнула соседка. – С крестами!

И тут Бабаня приказала Лёньке лечь вдоль борта платформы, поставила чемодан на ребро рядом с Лёнькой и легла на чемодан и на борт, закрыв Лёньку от всего на свете.

– Лежи, – прошептала она, – и не дрейфь. Пусть лучше меня убьет этот фашист, чем твоя мамаша.

Лёнька лежал и ничего не видел, а только слышал нарастающий гул самолета. Когда бабахнуло в первый раз, Бабаня побледнела, а когда бабахнуло во второй раз, Бабаня вздрогнула и закрыла глаза. А когда что-то вжикнуло и в борту образовалась дырка, Лёнька сразу догадался, что по ним стреляют. Он хотел сказать об этом Бабане, но она лежала с закрытыми глазами, как мертвая.

И вдруг самолетный гул начал удаляться.

– Улетел, улетел! – услышал Лёнька.

И тут Бабаня открыла глаза и хриплым голосом сообщила:

– Леонид, вылезай, в меня, кажется, попала бомба. Она у меня на спине. Сбрось ее за борт. Только осторожно.

Лёнька выбрался из-под Бабани. Самолет уже скрылся из виду, а на Бабаниной спине лежал ком земли. Большой. С Лёнькин мячик. Лёнька снял его и показал Бабане.

– Слава богу, – прохрипела Бабаня, – а я думала, это бомба. Выброси...

Лёнька выбросил, а Бабаня решила слезть с чемодана и борта, но чемодан упал, на него рухнула Бабаня, и Лёньке пришлось помочь ей сесть.

Он поставил чемодан на ребро, отряхнул землю с Бабаниной спины, уселся сам спиной к паровозу и посмотрел на соседку. Она сидела спиной к борту, голова склонилась на грудь. А шляпка съехала на лоб.

– Чего это с тетенькой, – спросил Лёнька, – может, в нее попали? Бабаня посмотрела на соседку, поправила ей шляпку и вдруг шлепнула ее ладошкой по щеке. Соседка вздрогнула, вздохнула, открыла глаза и сказала:

– Что это со мной? Я так испугалась.

– Я тоже, – успокоила соседку Бабаня. – Это у вас был обморок. И все.

Выяснилось вскоре, что на платформе все живы. На соседних вроде тоже, хотя и спрашивали: «Нет ли у вас на платформе врача?»

Так и доехали до Гатчины, без потерь, если не считать Лёнькину тубетейку, которая улетела в неизвестном направлении, когда Лёнька помогал Бабане принять сидячее положение, после того как в нее попала «бомба».

От Гатчины ехали в вагоне дачного поезда. Бабаня всю дорогу просила Лёньку не говорить маме о бомбежке. Лёнька пообещал маме ничего не говорить, а сам думал о том, как он будет рассказывать лучшему другу Гошке именно о бомбежке. А о чем же еще?

Бабаня сдала Лёньку маме и сразу заторопилась на свою Гончарную.

– Ты хоть чаю попей, – уговаривала ее мама.

– Нет-нет! Надо спешить. Приезжайте на блины. На ночь тесто заквашу, – пригласила их Бабаня и, многозначительно посмотрев на Лёньку, уехала.

Мама обняла Лёньку и вдруг заплакала.

– Ты чего плачешь? – прошептал Лёнька. – Все же хорошо. Лучше расскажи, как тут у вас в городе, какие новости.

НОВОСТИ

Мама перестала плакать и прошептала:

– Что же вы так долго не приезжали? Я извелась вся. У меня и есть нечего. Никого нет, я и не готовлю. Будем пить чай с сахаром. Согласен?

Лёнька попросил маму открыть чемодан и достал из него завернутую в непромокаемую бумагу драчену.

– Это тетя Вера нам на дорогу положила, – сказал он гордо, – а мы про нее забыли из-за этой... Лёнька чуть не брякнул про бомбежку, но вовремя захлопнул рот ладошкой, чтобы не выдать Бабаню.

Но мама так обрадовалась драчене, что не обратила внимания на Лёнькин жест. Она разрежала драчену на четыре части, и они стали пить чай. Лёнька откусывал кусочек драчены, потом брал в рот кусочек сахара, запивал это глотком горячего чая и слушал мамины новости. А новостей оказалось много.

Оба соседа ушли на фронт. Муж тети Вари – красноармеец-пулеметчик, а Полинин муж – командир с двумя красными кубиками в петлицах.

– А папа? – спросил Лёнька.

– А папу на фронт не пустили.

– За что? – обиделся Лёнька.

– Не за что, а почему, – поправила Лёньку мама. – Папу

оставили на заводе и назначили начальником штаба МПВО завода.

– А начальник – это тоже командир? – спросил Лёнька и вспомнил, что на фотографии у отца в петлицах было три треугольничка.

Это когда он служил в Красной армии.

Мама кивнула и на вопрос, где же папа, объяснила, что МПВО – это местная противовоздушная оборона, а потому папа находится на казарменном положении. То есть он и днем и ночью должен быть на заводе.

Лёнька обрадовался: он подумал, что папа будет стрелять из пушки по фашистским самолетам. Но мама покачала головой и перешла к другим новостям.

К Полининым детям приехала бабушка, а уехать не может. Ее город заняли немцы. Бабушка спит на кухне, на плите. Потому что в комнате она не поместилась.

А еще теперь в магазинах все продают по карточкам. Без них ничего купить нельзя.

– Даже конфеты? – удивился Лёнька.

Мама вздохнула и показала Лёньке продуктовые карточки с талончиками на хлеб, крупу, жиры и сахар.

Мама положила на стол карточку на хлеб и велела Лёньке завтра выкупить хлеб и поехать с ним к тете Мане.

– Она тебя покормит, – сказала мама, – а вечером я что-нибудь придумаю.

На этом новости кончились, и Лёнька вдруг почувствовал,

что очень устал. Он улегся на свою кровать с пружинным матрасом и сразу уснул. И ничего ему не приснилось. Потому что кто устал, тому ничего присниться не может.

УНТЕР-ОФИЦЕРША

Тетя Маня – родная сестра Лёнькиной мамы. Лёнька в детстве звал ее Малеей, а теперь называет тетей Маней. Потому что вырос. Вот.

А тетя Маня весело называет себя унтер-офицершей, хотя ее муж – двухшпальный командир Красной армии. Но когда она в него влюбилась, он был унтер-офицером и георгиевским кавалером в царской армии. Это во время войны 1914 года.

Жила тетя Маня с мужем и сыном Юрашей в большой-большой комнате. В большой-большой коммунальной квартире. Соседей было так много, что Лёнька их даже не считал. Тетя Маня встретила Лёньку, и они пошли по длинному коридору в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.